

Волчья шкура.

Ноября 29, нынѣшняго года, въ камерѣ г. мирового судьи гор. Пятигорска, завѣдывающимъ участкомъ почетнымъ мировымъ судьей Н. И. Архиповымъ, разбиралось дѣло въ уголовномъ порядкѣ, по иску крестьянина Воронежской губерніи Григорія Кутыина, о самоуправствѣ Константина Дмитріевича Выходцева, состоявшаго будто-бы въ томъ, что охотившійся съ нимъ доѣзжачій и выжлятникъ А. А. Витмана, по его приказанію, отняли у вышесказаннаго крестьянина, убитаго будто-бы имъ изъ-подъ гона собакъ—волка.

Дѣло было такъ: въ воскресенье 5 Ноября, въ 10-ть часовъ утра, я приказалъ моимъ людямъ провести стаю своихъ арлекиновъ, 17 или 18 собакъ.

Арлекины мои очень рослые, 16¹/₄ вершковъ, чрезвычайно злобны, параты и преимущественно натасканы по волкамъ.

Эту осень, по случаю бывшихъ у насъ засухъ и почти отсутствія краснаго звѣря—стая эта была тренирована—какъ никогда. Черезъ день, черезъ два, стая продѣлывала по меньшей мѣрѣ по 20 верстъ, скача за верховыми по часу и по полтора. Кромѣ того по близъ лежащимъ трущобамъ съ этою-же стаею натаскивали первоосенниковъ. Одною изъ такихъ трущобъ былъ близъ лежащій, такъ называемый, Армянскій лѣсъ.—Въ немъ то и разыгралась нижеслѣдующая трагикомедія. Сгонять волка перетока—такую выдержанною стаяей была вещь совершенно нетрудная. Но, чтобы нагляднѣе изложить мой рассказъ, я набросаю, какъ съумѣю топографію этой мѣстности.

Представьте себѣ страшно частую заросль, послѣ недавно вырубленнаго лѣса, состоящую изъ густыхъ терновъ, мелкаго орѣшника, облѣпихи, камыша и сорныхъ травъ выше человѣческаго

роста, съ частыми пригорками, осыпями и обрывистыми берегами горной рѣченки, прибавьте къ этому большинство кустовъ съ еще не опавшей листвою,—все это на протяженіи 2-хъ-верстъ въ длину и болѣе 200 саж. въ ширину. Мѣстность эта—ко-согоръ горнаго плато самымъ затѣйливымъ образомъ обрывающійся на рѣчку, а мѣстами переходящій и за нее.—Вы тогда только составите себѣ слабое представленіе о той аренѣ, на которой освирѣпѣлая стая арлекиновъ дебютировала въ продолженіи 3-хъ часовъ по волку.

Такъ какъ мѣсто это въ продолженіи многихъ лѣтъ мною постоянно арендуется, и такъ какъ эта мѣстность съ моей точки зрѣнія признается наилучшей для натаски собакъ—развитія ползистости и смѣлости,—для старыхъ собакъ мѣстность эта знакома, какъ свой домъ,—то за краснымъ звѣремъ онѣ обыкновенно идутъ какъ по ровной мѣстности.

Всякому понятно, что съ 18 собаками, злобными, паратыми и молодыми, нужно держать ухо востро. Мои же собаки никогда не видятъ никакого живого существа не исключая и людей,—а потому подѣвжая къ мѣсту охоты, я всегда беру самыя тщательныя предосторожности, чтобы не встрѣтиться съ какими нибудь домашними животными,—одиночками охотниками, съ одной или двумя собаками, въ особенности чернаго или сѣраго окраса.—Выжлятники напередъ предупреждаютъ такихъ господъ, чтобы они не претендовали, если отставшей собакѣ рыскающая стая гончихъ задастъ совершенно не любезную трепку.

При мнѣ и безъ меня, для предупрежденія случайностей,—охота останавливается обыкновенно за полверсты до мѣста напуска.—Такъ было и на этотъ разъ, т. е. мои охотники остановились не доѣзжая лѣса и осмотрѣвъ—рѣшительно никого не видѣли изъ охотившихся, исключая 2-хъ казаковъ, у одного изъ которыхъ были одна или двѣ гончія, шедшія доборомъ по чему-то.

Тотъ, какъ только увидѣлъ приближеніе моей стаи, сейчасъ же посадилъ ихъ на смычки.—Мои охотники метнули собакъ, какъ разъ съ противоположнаго конца.

Не прошло минутъ 15-ть, въ стаѣ отозвались голоса по красному звѣрю и чрезъ нѣсколько мгновеній вся стая помкнула по волку.—На первомъ же концѣ онъ попросился было въ поле,—сухой балкой; но заскакавшій выжлятникъ вернулъ его въ лѣсъ обратно; затѣмъ онъ было нарѣзался на стоявшаго казака, но тотъ крикнулъ на него,—и волкъ пошелъ осыпями;—спрыгнулъ въ обрывистую рѣченку, потянулъ по ней къ горѣ Юцѣ; но и тамъ

ожидала его такая же участь.—Другой выжлятникъ тоже перескакалъ его. Съ поворотомъ, сѣрому пришлось продѣлывать свой старый маршрутъ; при худшихъ условіяхъ, 5 концовъ взадъ и впередъ по такой трущобѣ и для матераго былъ бы порядочнымъ моціономъ, а для прибылого вовсе не подѣ силу;—онъ сталъ сдавать,—пошелъ страшной чащей; собаки стали наѣдять, наконецъ онъ сталъ задерживаться въ тернахъ—и въ концѣ-концовъ въ одномъ кустѣ прямо сѣлъ на хвостъ, послѣ чего одинъ несчастный прыжокъ рѣшилъ его участь.—Стая облѣпила его. Одинъ изъ первоосенниковъ, «Сарбазъ»—такъ помѣстился у горла,—достаточно было собакъ только спустить, чтобъ волкъ располосовалъ горло глупому нахалу.—Тѣмъ не менѣе волкъ, какъ пришибленный, сидя, вывалилъ языкъ, ощеривъ свои внушительные зубы.—Тутъ-то и начинается эпизодъ, послужившій поводомъ къ судебному разбирательству.

Я долженъ сказать, что съ моими собаками поѣхалъ хорошій мой кунакъ,—старый кавказецъ, легендарный охотникъ К. Д. Выходцевъ, когда-то замѣчательный стрѣлокъ, дравшійся съ Кази-Муллой при нападеніи на Кизляръ и съ Шамилемъ, при разгромѣ Моздока. Онъ потерялъ все на Кавказѣ,—теперь съ катарактомъ на одномъ глазу и начинающемся на другомъ, вдовецъ, безъ семьи, коротаетъ жизнь воспоминаніемъ прошедшаго, оставаясь и по сей день тѣмъ-же страстнымъ охотникомъ. Съ моей стаей арлекиновъ онъ носится какъ нянька. Безъ меня и со мной онъ всегда съ ними на охотѣ, вѣчно брюзжа: то готовъ ихъ перевѣшать, то превозносить ихъ превыше всего.

Вотъ этотъ то господинъ, сидя наверху на одной изъ осыпей, во время сумасшедшаго гона собакъ, замѣчаетъ вдругъ на дорогѣ откуда то выросшаго неизвѣстнаго субъекта, въ какомъ то сѣромъ русскомъ зипунѣ, съ двумя около его ногъ вертящимися собаками.

Этотъ Х, въ роли истиннаго диллетанта, спокойно присутствуетъ на этомъ своеобразномъ представленіи. Страстно слѣдя за гономъ по волку, Выходцевъ находитъ однако настолько самообладанія, что вспоминаетъ о возможной участи собакъ этого зрителя; сколько есть силъ кричить ему съ своего мѣста, чтобы тотъ убирался съ дороги и забралъ бы подальше своихъ черберовъ. Послѣ этого субъектъ куда-то исчезаетъ.

Черезъ нѣсколько времени стая заревѣла на мѣстѣ, и до Выходцева стали доноситься отдѣльные глухіе голоса гончихъ, неистово треплящихъ волка.

Выходцевъ, считая охоту оконченной, спускается съ своего

мѣста съ горы, приказывая доѣзжающему поскорѣе брать на смычки собакъ, по возможности не допуская ихъ бѣжать къ рѣчкѣ пить воду. Не разъ у насъ были случаи апоплексіи легкихъ, при гонѣ за козами, и скоротечныхъ воспаленій легкихъ послѣ гона по волкамъ въ жаркіе дни. Казалось, охота окончилась благополучно; на самомъ же дѣлѣ теперь то и начинается инцидентъ такъ называемаго уголовного дѣла.

Вернувшись къ экипажу, Выходцевъ засталъ уже всѣхъ своихъ собакъ сомкнутыми. Поинтересовавшись у доѣзжачаго объ окончаніи гона, онъ спросилъ его, не знаетъ-ли тотъ человѣка, стоявшаго на дорогѣ съ двумя собаками, и не случилось ли чего нибудь съ нимъ, потому что, какъ ему казалось, одна или двѣ изъ первоосенниковъ бросались въ сторону его собакъ,—по крайней мѣрѣ онъ слышалъ голоса.

Выжлятникъ сказалъ, что этотъ человѣкъ состоитъ съ 26 Октября въ охотничьей командѣ Нижегородскаго драгунскаго полка, но въ качествѣ кого—не знаетъ.

Когда собаки гнали послѣдній, 5-й, конецъ, волкъ сдался совершенно, гончія насѣдали, но взять какъ слѣдуетъ не могли: онъ шелъ непролазной чащей. Выжлятникъ, скакавшій параллельно гону, раздѣляемый крутоберегой рѣчкой отъ гончихъ, кричалъ этому человѣку, чтобы тотъ стрѣлялъ по волку, лишь бы поскорѣе покончить съ нимъ: и лошади, и собаки, были измучены до-нелзя. Субъектъ на это ему ничего не отвѣтилъ.

Съ другого конца тогда подскакалъ доѣзжачій; видя, что собаки растягиваютъ волка, но замѣтя, что молодой выжлецъ скверно помѣстился подъ горломъ волка, доѣзжачій неистово кричалъ тоже этому незнакомцу: «добивай», въ полной увѣренности, что тотъ подбѣжитъ къ волку и выстрѣлитъ въ упоръ. Слабый выстрѣлъ, какъ ударъ кнута, дѣйствительно раздался; но волкъ со всѣми собаками таскался на томъ-же мѣстѣ; ясно: былъ промахъ; тѣмъ временемъ доѣзжачій соскочилъ съ лошади, подбѣжалъ къ куманьку, у дарилъ его нѣсколько разъ по носу кнутовищемъ арапника, и волкъ опустился, подхваченный всею стаею на воздухъ; затѣмъ обратясь къ стрѣлявшему, доѣзжачій сказалъ: «по нашему вотъ какъ, брать, охотятся, а ты еще съ ружьемъ»!

Привязавъ волка на кнутъ, доѣзжачій поволокъ его къ экипажу. На мѣстѣ начались обыкновенныя въ этихъ случаяхъ охотничьи разговоры: какъ и что.

Въ эти то самыя пріятныя минуты для охотниковъ, вдругъ

является охотникъ невидимка; начинается рѣчь о томъ, что выжлятники отбираютъ отъ него волка, котораго онъ убилъ.

Считая вообще вопросъ шкуринный, — вопросомъ выжлятниковъ, Выходцевъ, самъ небывшій при послѣдней минутѣ схватки стаи съ волкомъ, спросилъ его: „по какому мѣсту стрѣлялъ волка?“ Отвѣтъ послѣдовалъ «стрѣлялъ въ шею».

Выходцевъ доказывалъ невозможность стрѣлять въ шею сидячаго волка, при 17 рвущихъ его собакъ, и еще такого громаднаго роста какъ наши арлекины, безъ того чтобы не задѣть какую нибудь, — но желая быть совершенно объективнымъ, сказалъ: «смотри, если ты укажешь мнѣ рану у волка убойную, то волеѣ твой». — Но такъ какъ тотъ, при тщательномъ осмотрѣ, ничего подобнаго указать не могъ, то г. Выходцевъ, сказалъ ему: «приходи-ка къ намъ на домъ, посмотримъ шкуру. — Лучше будетъ видѣть рану на снятой», и опять повторилъ: «если рана у волка была убойная и помогла собакамъ сгонять волка, то получишь на чай, или возьмешь шкуру, а за выстрѣлъ во всякомъ случаѣ получи патронъ».

Тогда незнакомецъ запѣлъ другую пѣсню; онъ увѣрялъ, что еще наканунѣ охотился съ собаками Нижегородскаго драгунскаго полка, (въ качествѣ чего — не знаю); что вышедши, какъ онъ выразился, — на зайцевъ, онъ зарядилъ ружье сборной дробью, но наткнувшись на трехъ волковъ, по одному изъ нихъ стрѣлялъ и вотъ онъ предполагаетъ, что этотъ волкъ именно тотъ волкъ, — котораго теперь сгоняли. Нынче въ 6 часовъ утра онъ пришелъ съ 4 собаками, пара собакъ ушли будто-бы въ степь за лисой и до сихъ поръ не возвратились, а пара осталась при немъ; одна собака еще молодая, а другая будто-бы, до прибытія моей стаи, ходила по волку, и какъ онъ предполагаетъ, именно по этому.

Выжлятники весьма остроумно замѣтили ему на это: «Вѣроятно ты своимъ волкамъ медали вѣшаешь коли, узнаешь ихъ. Хорошо же твой раненый волкъ, когда его гоняли по крайней мѣрѣ верстъ 10; развѣ не видишь, какъ замучили лошадей и собакъ?»

Прибавлю къ этому, что еще на горѣ къ Выходцеву подходили два охотника, прося позволенія стрѣлять по волку. «Стрѣлять стрѣляйте, но не пораньте собакъ; видите, онѣ идутъ на хвостъ, а, главное, не отгоняйте отъ убитаго, тутъ собаки молоды — нужно ихъ хорошо притравить».

За симъ послѣдовало торжественное шествіе во свояси: одни выжлятники съ собаками поѣхали, а другіе съ Выходцевымъ, вмѣстѣ повезли трофеи; — такъ вся публика подѣхала въ воро-

тамъ моего дома. Было 3 съ чѣмъ то часа, когда впускали собакъ во дворъ; по запачканнымъ грязью спинамъ собакъ, я сейчасъ-же догадался, что была съ кѣмъ то свалка. Въ первый моментъ меня это побезпокоило: воскресный день, молодые собаки, отсутствіе меня самого, теперешняго закала прислуга,—все это давало поводъ къ предположенію всевозможныхъ случайностей; но черезъ нѣсколько минутъ я успокоился,—на дорогахъ сидѣлъ милѣйшій Выходцевъ, а сзади его лежалъ привязанный волчище. Сейчасъ посылаю комнатную прислугу, чтобы въ двухъ словахъ сказали, какъ было дѣло.

Узнавъ, что волка собаки гоняли, я обрадовался до-нельзя. Изъ 18 собакъ только 8 было старыхъ, а остальные первоосенники; а всякій знаетъ, что первая удача для молодыхъ собакъ рѣшающее дѣло.

Тогда же я приказалъ снять шкуру, принести мнѣ и ее, и тушку. Разсмотрѣвши тщательнымъ образомъ шкуру съ моимъ хорошимъ пріятелемъ, членомъ Владикавказскаго окружнаго суда, г. Сударушкинымъ, я остался совершенно доволенъ тѣмъ, что дѣйствительно волкъ сгоненъ; ранъ нигдѣ не оказалось; подробности же этой охоты не разъ вызывали у насъ искренній хохотъ. При снятіи шкуры, въ одной пазанкѣ задней ноги изъ за шкуры высыпалось 4 дробины; стало совершенно вѣрно, что наканунѣ или прежде по волку стрѣляли, но и ясно то, что для сѣраго это было безвредно.

Дня черезъ четыре, съ Выходцевымъ, мы отправились на охоту къ Аполонскому, охотиться на Верблюдкѣ.

Гора эта въ 3000 слишкомъ футовъ вышины, чрезвычайно затѣйливаго очертанія. На западъ торчитъ коническій пикъ, соединенный глубокою сѣдовиною съ объемистой горой, на востокъ, довольно широкой, но чрезвычайно скалистой и изрѣзанной обрывами.

Лѣтъ 25 тому назадъ, здѣсь былъ настоящій садокъ дичи; козы и лисы выскакивали чуть не на каждомъ шагу, а волки переходили изъ балки въ балку, не обращая никакого вниманія на охотившихся; о зайцахъ и говорить нечего.

Возвышаясь послѣднимъ форпостомъ, такъ сказать, впереди начинающейся отсюда нагорной плоскости возвышенности, въ былыя времена она посѣщалась рѣдко и то только удалыми охотниками. Всякій знаетъ, что предательскіе перелѣски, у подошвы Верблюдки, скрывали всегда Закубанскихъ абрековъ;—разговоръ

съ ними былъ короткій: или пуля въ лобъ, или вась потащатъ за Кубань на арканѣ.

Вотъ почему и водилась на ней масса звѣря, а репутація хорошаго мѣста для охоты сохранилась за ней и по сей день.

Но Верблюдка проклятая гора: стоитъ подуть маленькому вѣтерку, въ особенности сѣверо-восточному, — послѣ ясныхъ дней въ позднюю осень, чтобы вы очутились выше облаковъ, а прихотливыя ущелья окутаны непроливаемымъ туманомъ.

Какъ разъ это съ нами и случилось; не успѣли мы запустить стаю, съ такъ называемой сахарной головки, какъ на самый верхъ вылетѣли 3 лисицы, моментально бросившись внизъ по разнымъ ущельямъ; къ несчастью, по одной изъ нихъ выстрѣлилъ наверху стоявшій нѣмецъ - менонитъ — и промазалъ; но на его выстрѣлъ прибѣжала къ нему молчкомъ откуда-то его черная собаченка и преспокойно полѣзла на вершину конуса, нарѣзавшись на вылѣзавшую стаю; — всѣ молодые собаки бросились за ней и вся эта публика понеслась внизъ, треща ужаснѣйшимъ образомъ, летѣвшими по осыпямъ, камнями. Въ туманѣ ничего нельзя было видѣть; заскакать собакъ не было никакой возможности, хотя доѣзжачій и стоялъ на пересѣдлицѣ, на высотѣ болѣе 2000 футовъ, вскарабкиваясь по обшкновепію на своемъ Карачаевскомъ маштакѣ. Начали трубить; пока созвали собакъ, — стали наступать сумерки, и намъ ничего не оставалось какъ спускаться по ущельямъ домой, скользя ежеминутно по оледенѣвшимъ тропинкамъ, обдаваемыя къ вечеру осѣдавшимъ туманомъ.

Доѣхавъ до гостепріимнаго хозяина и переночевавъ, вернулись во-свояси.

По приѣздѣ домой, меня встрѣтила прислуга г. Выходцева, заявивъ, что въ отсутствіи нашемъ приходилъ какой то солдатъ, спрашивалъ Выходцева, отдавалъ конвертъ, — заявивъ, что если она конвертъ не возьметъ, такъ онъ его наклеить на дверяхъ!

Та, посоветовавшись съ моимъ дворникомъ, порѣшила' взять его. По ея понятію, наклейка на дверяхъ повѣстки — было бы почему то величайшимъ для ея барина позоромъ.

Ясно было — Выходцева тянули къ мировому. Въ повѣсткѣ назначался срокъ разбирательства дѣла, а самый мотивъ разбирательства именовался самоуправствомъ, и разбирательство его должно было идти въ уголовномъ порядкѣ.

Не успѣли мы приѣхать, какъ молодые охотники то и дѣло стали прибѣгать къ Выходцеву, съ величайшимъ смѣхомъ рассказывая ему, что его потянутъ къ мировому, интересовались

его рассказомъ о бывшей охотѣ, и никакъ не могли постигнуть гдѣ тутъ мотивъ къ судебному разбирательству!!!

Въ одинъ скверный день Выходцевъ,—все-таки отправился въ судейскую камеру; какъ его судили тамъ и за что—я до сихъ поръ не понимаю.

Но въ концѣ концовъ въ полученной имъ резолюціи сказано коротко и ясно: въ самоуправствѣ невиновенъ и считается свободнымъ отъ уголовной отвѣтственности; а волчью шкуру или возвратить, или заплатить 3 рубля!!

Вы не можете себѣ представить положенія 70-ти-лѣтняго старика послѣ такого приговора!—Ничто не оскорбило его такъ, какъ то, что истецъ не призналъ предъявленной ему шкуры за шкуры сгоненаго волка.—Я ее видѣлъ, когда а только что сняли, вмѣстѣ съ тушкой; а съ той минуты чуть не каждый часъ прибѣгалъ-кто нибудь поглядѣть на нее, въ виду росказней на бульварахъ празднои молодежи.—Не признать предъявленную волчью шкуру за шкуру того волка, въ котораго стрѣлялъ истецъ—было единственнымъ средствомъ поддержать свою претензію.

Когда Выходцевъ обратился къ мировому судѣ, заявивъ: какъ-же это такъ? стало быть я подмѣнилъ шкуру?—то мировой судья сказалъ, будто-бы, ему тихо, что онъ думаетъ, что эта шкура не съ того волка.

Разгоряченный Выходцевъ съ ужасомъ мнѣ говорилъ, что теперь ему приходится срамиться и тащить всѣхъ бабъ, людей и даже меня, чтобы убѣдить, что это дѣйствительно та шкура.

Я утѣшалъ его, что за всякими ссылками къ кому бы они не относились, обращаться въ правомъ дѣлѣ ничего нѣтъ предосудительнаго.

— Но вы представьте вѣдь, какъ онъ мнѣ все тихо такъ говорить: «я думаю, что эта шкура не съ того волка», съ отчаяніемъ восклицалъ оскорбленный старикъ Выходцевъ.

Одно его только нѣсколько примиряло и успокоивало,—это, когда я говорилъ ему, что намъ съ нимъ недолго болтаться на этомъ свѣтѣ, потому что у насъ обоихъ на плечахъ чуть не полтараста лѣтъ.

— Но что-же мнѣ все-таки дѣлать теперь, пока я еще живъ, и пока на мнѣ тяготѣетъ такое позорное обвиненіе?

— А вотъ что: на дняхъ у меня былъ милѣйшій Сухановъ;—онъ интересовался вашимъ дѣломъ, какъ и прежде; общалъ сдѣлать все, что только можно, если разумѣется вы къ нему обратитесь за защитой; между, прочимъ онъ сказалъ,—что если вы

хотите перенести дѣло въ мировой съѣздъ, то должны написать апелляцію — чтобы только получить право пересмотра вашего дѣла; для доказательства-же подлинности шкуры вы должны пригласить и Родіониху, и Прасковью, и Евдокима, и вашего покорнѣйшаго слугу, и т. д. Но мой вамъ совѣтъ: оставьте это дѣло; правый всегда останется правымъ въ глазахъ людей, его знающихъ. Насъ съ вами здѣсь знаютъ всѣ, и знаютъ, что намъ волчья шкура не въ диковину, и что кривить душой вы не стали бы не только изъ-за такого пустяка, а даже и изъ-за чего бы то ни было гораздо болѣе важнаго.

Но старикъ попрежнему отчаявался и мнѣ было чрезвычайно тяжело за него, за этого почтеннаго, 70-ти лѣтняго, честнѣйшаго человѣка! — Чтобы утѣшить его, я рѣшился описать происшествіе въ спеціальному охотничьему журналѣ, чтобы вызвать сужденіе объ этомъ случаѣ компетентныхъ охотниковъ и въ особенности мнѣніе г. Туркина, такъ много уже потрудившагося по вопросамъ о выясненіи охотничьихъ недоразумѣній.

По моему мнѣнію, человѣкъ безъ разрѣшительнаго билета охотящійся въ лѣсу, арендуемомъ другимъ лицомъ, есть браконьеръ, хотя-бы онъ состоялъ выжлятникомъ даже и при охотничьей командѣ драгунскаго полка. Вопросъ въ томъ: отъ лица такого браконьера можетъ-ли быть вчиняемъ искъ? Показаніямъ такого браконьера можно-ли давать вѣру, по одному голословному его заявленію о томъ, что шкура, предъявленная отвѣтчикомъ въ судъ, не съ загнаннаго волка, стало быть подложная.

Мнѣ кажется, сперва надо было взвѣснить значеніе шкуры для браконьера и для противной стороны? Для браконьера, шкура въ данномъ случаѣ, служила документомъ, *corpus delictum* отправленія его служебныхъ обязанностей; если не ошибаюсь, для охотничьихъ комадъ получающихъ особыя ассигновки, — обязательна отчетность о ихъ дѣйствіяхъ передъ начальствомъ.

Для отвѣтника шкура представляла лишь интересъ удовлетворенія простаго любопытства: убили, сгоняли, не для кого-нибудь, а для себя самага, и затѣмъ о шкурѣ нѣтъ и помину.

Принимая все это во вниманіе, я лично не могу найти въ себѣ запаса благоразумія, чтобы отнестись съ должнымъ спокойствіемъ, какъ къ иску, такъ и къ разбирательству, а еще того болѣе къ приговору мирового судьи.

Теперь для меня, какъ охотника, было-бы интересно разъяснить:

1) Какъ смотреть законъ на право человѣка, сдѣлавшаго выстрѣлъ по звѣрю, — но не положившаго его на мѣстѣ: — звѣрь

раненый однимъ, но добытый другимъ, кому долженъ принадлежать по праву?

Или, какъ въ данномъ случаѣ, волкъ, стрѣлянный наканунѣ,—допустимъ гоненый утромъ, въ день охоты, но взятый совершенно другой стаей собакъ,—можетъ-ли юридически считаться принадлежащимъ первому, только потому, что тотъ стрѣлялъ?

Одинъ изъ моихъ добрыхъ знакомыхъ, кандидатъ правъ, одинъ изъ ловкихъ мѣстныхъ адвокатовъ, г. Сухановъ, увѣрялъ меня, что, по римскому праву, *jus primi occupandi*, вопросъ этотъ рѣшается въ пользу первого!

Незнакомый съ постановленіями Рима до-христіанской эры,—я могъ бы сослаться на широко практикуемый въ просвѣщенной Европѣ антитѣзъ этого *beati possidentes*, но тогда это было-бы не право правды, а право сильного. — Я убѣжденъ, что между этими альфой и омегой юридической казуистики существуетъ что-нибудь среднее, примиряющее, болѣе справедливое, реальное, выработанное цивилизаціей и истиннымъ просвѣщеніемъ.

Въ моей головѣ не укладывается, чтобы человѣкъ, пожелавшій что-нибудь получить, но не осуществившій этого потому, что не располагалъ нужными для того средствами—тѣмъ самымъ пріобрѣталъ юридическое право на вещь, добытую другимъ, но только на его глазахъ.

Постановить рѣшеніе, что вещь принадлежитъ не тому, кто ее пріобрѣлъ и у кого она въ рукахъ, а тому, кто объ ней вчера мечталъ только, а нынче утромъ присутствовалъ при томъ, какъ ею другіе воспользовались, по меньшей мѣрѣ новость далеко выходящая за предѣлы обыкновеннаго.

2. Два или нѣсколько охотниковъ, охотившихся въ одномъ и томъ-же мѣстѣ, неужели должны пользоваться не одинаковыми правами, и первый долженъ имѣть преимущество на полученіе дичи только потому, что онъ раньше пришелъ и раньше гонялъ.

По смыслу рѣшенія мирового судьи, всякому шкурятнику, заручившемуся доказательствомъ, что онъ, въ данный моментъ, былъ въ мѣстности, гдѣ охотятся, выгодно затѣять процессъ съ охотниками, и забирай себѣ дичь. Тогда охотникамъ можно будетъ доказывать, что они хотя стрѣляли по этой дичи, но ихъ новые выстрѣлы какъ разъ пришлись по прежнимъ ранамъ, сдѣланнымъ претендентами?

Словомъ, такая точка отправления можетъ довести до геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости.

3. Какая разница въ правахъ двухъ лицъ, охотившихся хо-

тя-бы и одновременно въ мѣстности, арендуемой третьимъ лицомъ; причемъ только у одного изъ нихъ есть билетъ на право охоты?

4. Какъ смотрѣть въ этомъ случаѣ на лицо, охотящееся безъ разрѣшительнаго билета? не является-ли такое лицо настоящимъ браконьеромъ? и какъ таковой—не лишается-ли, при разбирательствѣ охотничьихъ неразумнѣй съ тѣмъ, у кого есть разрѣшительный билетъ,—права одинаковой защиты закона?

5. Можетъ-ли, или имѣеть-ли право мировой судья, при разбирательствѣ тяжущихся по вопросу объ охотѣ, обходить разсмотрѣніемъ нижеслѣдующіе вопросы:

а) гдѣ производилась охота, т. е. въ казенныхъ-ли угодьяхъ, во владѣльческихъ-ли земляхъ, общественныхъ-ли участкахъ, и притомъ не состояли-ли эти угодья у кого-либо въ арендѣ, не заповѣданы-ли они или для всѣхъ свободны?

и б) имѣютъ-ли тяжущіеся отъ казенныхъ управленій, или отъ обществъ, или отъ владѣльцевъ, или отъ арендаторовъ разрѣшительные билеты на право охоты? Непредъявленіе такового истцомъ по дѣлу объ охотничьихъ недоразумѣніяхъ не должно-ли составлять мотивъ къ неразмотрѣнію дѣла.

6. Какъ смотрѣть на права военныхъ охотничьихъ командъ, если онѣ охотятся въ мѣстахъ арендованныхъ безъ билетовъ и притомъ не цѣлыми отдѣльными частями, указанными въ уставѣ о воинскихъ охотахъ, и безъ руководства офицера или того, кому эти охотники поручаются?

Обыкновенно у насъ фигурируютъ, въ качествѣ членовъ охотничьихъ командъ, только отдѣльные индивидуумы, т. е. солдаты, утверждая, что они состоятъ въ охотничьихъ командахъ, а слѣдовательно имѣютъ какое-то свое специальное право.

7. Переходить-ли право охотничьихъ воинскихъ командъ, со всѣми принадлежащими имъ исключительными преимуществами, на частнаго человѣка, случайно находящагося при командахъ?

Разрѣшеніе этого вопроса въ положительномъ смыслѣ повело бы къ безконечнымъ злоупотребленіямъ.

8. Не слѣдуетъ-ли солдатамъ, принадлежащимъ къ охотничьей командѣ, присвоить какіе-нибудь особыя значки, въ видѣ, наприкладъ, бляшекъ съ номеромъ и надписью инициаловъ «такой-то команды».

9. Въ мѣстностяхъ расположенія войскъ, выборъ мѣста для военной охоты, на земляхъ принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, обществамъ,—предоставляется-ли самимъ охотничьимъ командамъ?

Далѣ играютъ-ли при этомъ роль соображенія высшаго порядка, какъ это имѣетъ мѣсто при выборѣ мѣста для лагеря, для маневровъ,—или это простая случайность, прихоть или какое-нибудь частное удобство.

При рѣшеніи этихъ вопросовъ, не должно-ли брать въ расчетъ нахождение казенныхъ лѣсовъ, иногда по нѣскольку тысячъ десятинъ и въ разстояніи отъ части въ 6, 7, 8, 9 верстахъ.

10. Разъ извѣстная мѣстность удостоена чести такого выбора, то неужели она обречена состоять въ безсрочномъ пользованіи расположенной по близости воинской части, причемъ это пользованіе должно непременно падать на лучшіе мѣсяцы охоты?!—Владѣльцу и обществу тогда предоставлялась бы завидная роль считаться номинальнымъ собственникомъ своихъ угодій, но состоять исправнымъ плательщикомъ и государственныхъ и земскихъ поземельно-лѣсныхъ налоговъ.

Не намъ судить о пользахъ охотничьихъ полковыхъ командъ; для насъ, кавказцевъ, онѣ не имѣютъ и тѣни сходства съ знаменитыми охотничьими командами послѣднихъ годовъ покоренія Кавказа и временъ фельдмаршала князя Барятинскаго.—Закаленные въ бояхъ прежнюю долгосрочною службою, среди постоянныхъ опасностей, тѣ дѣйствительно были идеальными партизанами.—Вѣчный вопросъ о жизни и смерти, постоянныя засады и хитрости воинственнаго противника, — вырабатывали изъ нихъ истинныхъ героевъ и самыхъ находчивыхъ удалцовъ. По цѣлымъ недѣлямъ безъ крова и пищи, они дѣйствительно охотились и на звѣря; но никогда не спускались до вопроса о шкурѣ, а еще меньше до обсужденія этого судебнымъ порядкомъ.

Моя статья длинна, но длиннота ея извиняется страстнымъ желаніемъ провинціальныхъ охотниковъ услышать разрѣшеніе поставленныхъ вопросовъ и прочесть въ печати. Безъ достаточнаго разъясненія этихъ и имъ подобныхъ вопросовъ, въ провинціи, существующей путаницѣ понятій о законахъ и ихъ примѣненіи,—правильная, серьезная и законная охота—на окраинахъ немыслима.

Но Богъ дастъ—въ недалекомъ будущемъ многое измѣнится къ лучшему. На окраинахъ это тѣмъ желательнѣе, что чисто русскаго элемента и прямо русскихъ людей тамъ мало. Привилегированное-же сословіе тамъ не имѣетъ представителей, какъ прежде: нѣтъ предводителей дворянства—людей чести и совѣта.

Желательно, чтобъ при журналѣ «Природа и Охота» съ особой платой вышли всѣ законоположенія, имѣющія быть изданными объ охотѣ, какъ приложение; желательно, чтобы при этомъ издано

было и руководство существующее для воинскихъ командъ съ разъясненіями.

Для провинціи это тѣмъ нужнѣе, что мы безъ этого только присутствуемъ при всякомъ видѣ безправій, — причемъ сыны Марса, въ видѣ запасныхъ унтеръ-офицеровъ, выбиваютъ и вылавливаютъ все въ вашихъ дачахъ, благо служили въ охотникахъ.

Александръ Андреевичъ Витманнъ.